

НЕ ДЬЯВОЛА ЕСТА

Н
Е
ДЬЯВОЛА
Е
С
Т
А

Сборник новелл ужаса

Выпуск II

Тверь
«Книжный клуб»
1990

ББК 84.4
К Н 40

Составление, вступительная статья и перевод
с английского *Александра Бутузова*.

Художники А. А. и М. А. Данилины

Н 40 **Невеста дьявола: Сборник новелл ужаса:**
Вып. 2. — Тверь, МП «Кн. клуб», 1990. — 48 с.

В книгу вошли истории ужаса английских и американских авторов разных эпох. В ней представлены и современные рассказы, занявшие первые места в литературных конкурсах за рубежом и вошедшие в известные антологии основателя фильмов ужаса А. Хичкока.

На русском языке публикуются впервые, специально адаптированы для массового читателя.

ББК 84.4

© А. Е. Бутузов, составление, вступительная статья и перевод.

ISBN 5—85754—003 · 8

Уильям Мадфорд

ЖЕЛЕЗНЫЙ САВАН*

...Изнутри темница походила на огромную клетку: потолок ее, пол и стены были сделаны из железа. Высоко под потолком располагались семь зарешеченных окон, пропускавших воздух и свет. Кроме них и высоких створчатых дверей ни единый выступ, ни щель не нарушали матово черневшую поверхность. В углу стояла железная кровать, покрытая охапкой соломы, рядом — сосуд с водой и грубая миска, наполненная еще более грубой едой.

Даже неустрашимый Вивенцио содрогнулся в ужасе, когда ступил в мрачное узилище и услышал, как с грохотом затворяют массивные створки дверей молчаливые люди, приведшие его сюда. Молчание их казалось пророческим и обещало погрести его заживо в пугающей тишине.

Как жуток был звук их удалявшихся шагов! И только слабое эхо замерло в извилистых переходах, страшное предчувствие выросло в душе: отныне ничто, ни голос, ни взгляд не нарушат его одиночества, в последний раз видел он человеческое существо! В последний раз видел он яркое небо над улыбающейся землею, и в последний раз видел он тот прекрасный мир, что был так любим им и что так любил его. Здесь суждено ему завершить свои дни, ему, едва начавшему жить. Но какая же смерть уготована ему? Будет ли он отравлен? Или убит? Нет — для этого незачем было заключать его. Возможно, голод — тысяча смертей в одной. Об этом страшно думать, но еще страшнее — рисовать картину долгих затворнических лет, когда мысль, не находя спасения от одиночества, либо тонет в безумии, либо замирает в идиотическом оцепенении.

* На 4-й странице обложки помещена иллюстрация к рассказу.

Побег из темницы был бы возможен, если бы руки его вмешали достаточно сил, чтобы раздвинуть железные стены. На милость врага не оставалось надежды. Принц Толфи не желал ему мгновенной смерти, иначе жестокость его давно бы нашла выход. Очевидно ему сохранили жизнь в угоду более изощренному плану мести. Но что же избрал утонченный мучитель...

Был вечер, когда Вивенцио вошел в темницу; наступила ночь, пока он ходил взад и вперед, перека-тывая в мозгу ужасные предположения. Звон колоколов замка или близлежащего монастыря не долетал до его окон и не мог указать ему, который час. Он часто останавливался и прислушивался: не раздается ли звук, указывающий на присутствие другого человеческого существа, но одиночество пустыни, могильная тишина не были столь плотны, сколь плотно было то угнетающее уединение, что окружало его. Сердце его упало, и в отчаянии он бросился на соломенную подстилку своего ложа. Очищающий сон стер печали минувших суток, и приятные грезы заново расцветили его существо; в радужном забытьи он забыл, что является пленником Толфи.

Когда он проснулся, наступил день; но как долго длился его сон, он не знал. Теперь могло быть и раннее утро и могла быть середина дня, время для него текло чередою света и темноты. Прошедший сон вернул ему друзей и подруг, и потому, пробудившись, он не сразу вспомнил, где находится. Он огляделся, недоумевая, поднял горсть соломы, как бы спрашивая себя: что все это значит? Но память очень скоро развеяла туман, заволокший события вчерашнего дня; услужливое воображение ослепило, обрисовав зловещее будущее. Контраст ошеломил его...

Когда волнение улеглось, он осмотрел свою мрачную клеть. Увы! Дневной свет подтвердил то, что приоткрыла вчера мрачная неясность сумерек — совершенную невозможность побега. Однако, когда глаза скользили вдоль стен, два обстоятельства поразили его. Первое, так думал он, могло оказаться игрой воображения, но второе было несомненно. Пока он спал, кто-то переменил кувшин с водой и миску, и теперь они стояли около дверей.

Даже если бы он усомнился, полагая, что спутал место, где видел их накануне, то убедился бы в обрат-

ном, так как кувшин в его камере теперь был совсем другой формы и другого цвета, чем вчера, а еда была заменена и выглядела гораздо лучше. Значит, сегодня ночью в камеру к нему входили. Но как? Неужели он спал так крепко, что не слышал грохота железных дверей? Нельзя сказать, чтобы такое не было возможно, но, допуская, что в камеру к нему входили, Вивенцио должен был предположить наличие еще одного выхода, о существовании которого он не подозревал. Тогда следовало, что смерть от голода не была его предопределенением, а загадочный способ, каким снабжали едой, явно указывал на то, что его хотят лишить самой возможности общения с внешним миром.

Другим обстоятельством, привлекшим его внимание, было исчезновение одного из семи зарешеченных окон, выстроившихся под самым потолком его камеры. Он был уверен, что вчера видел и пересчитал их, так как его несколько озадачили их странная форма и число, а также то, что располагались они на неравных друг от друга расстояниях. Однако тут проще было допустить, что вчера он ошибся, в противном случае пришлось бы искать объяснение тому, куда за ночь мог испариться внушительный кусок железной стены; и вскоре Вивенцио вообще выбросил эту мысль из головы.

Без всяких подозрений он принял за еду. Ее могли отравить, но если это и было так, он знал, что не в его силах было избегнуть смерти, в каком бы обличье ее не приготовил ей Толфи, и скорая смерть для него означала скорейшее избавление.

День прошел вяло, хотя и родил надежду, что если не спать в эту ночь, то можно будет увидеть человека, приносящего пищу. Сама мысль увидеть живое существо, быть может проведать о готовящейся судьбе, вернула узнику толику душевного спокойствия. К тому же, если пришедший будет один, можно будет напасть на него и убить...

Наступила ночь, затем утро. Должно быть, он заснул, даже не сознавая того. Сон подкрался к нему, когда усталость на миг сомкнула его отяжелевшие от бдения веки, и он провалился в горячечное забытье. Наполненный свежей водою кувшин и дневная порция еды стояли перед ним.

Но это было не все. Бросив взгляд на окна, он насчитал только пять. Зрение не обманывало его, и

теперь он был убежден, что и вчера не досчитался одного из них. Но что же все это значит? Где он находится? Он взглядался в матовую поверхность стен до тех пор, пока у него не зарябило в глазах, но так и не обнаружил ничего, что бы могло пролить свет на эту загадку. Все было именно так, чувства ему не лгали — это он знал точно. Но почему все обстояло так? Он тщетно напрягал свой мозг в поисках ответа. Он осмотрел двери: одна деталь подсказала ему, что ночью их не открывали.

Пучок соломы, воткнутый между створок накануне вечером, оставался нетронут, хотя малейшее движение одной из половинок должно было сбросить его на пол. Это было очевидно, и против этого было невозможно спорить. Тогда получалось, что в одной из стен находилось какое-то приспособление, при помощи которого человек мог проникать вовнутрь. Он внимательно осмотрел стены. Казалось, они сплошь отлиты из куска металла: если они и были собраны из металлических пластин, то столь искусно, что глаза не различали ни единого шва. Снова и снова осматривал он стены, пол, потолок и странный ряд окон: они почти осязаемо притягивали его: и не находил ничего, абсолютно ничего, что могло бы разрешить его сомнения. Иногда ему начинало казаться, будто и сама клеть немного уменьшилась, но этот эффект он приписывал своему взвужденному воображению и тому впечатлению, что породило в его мозгу загадочное исчезновение двух окон.

В смятении Вивенцио ожидал наступления ночи, когда же она пришла, он решил больше не поддаваться предательскому сну. Вместо того, чтобы лечь на соломенный тюфяк, он продолжал расхаживать по клети до самого рассвета, напрягаясь: зорко взглядываясь в окружающую тьму: с любой стороны могло показаться нечто, и тогда дневные загадки были бы разрешены. Прошагав таким образом примерно до двух часов ночи (насколько он мог судить по времени, прошедшему после того до рассвета), Вивенцио неожиданно ощутил под ногами слабое подрагивание.

Он наклонился. Движение длилось минуту или около того, но было столь незначительно, что Вивенцио начал сомневаться, действительно ли он чувствует его, или же это игра воображения.

Он прислушался. Не раздавалось ни звука. Внезапно

струя холодного воздуха окатила его; бросившись в ту сторону, откуда, как показалось ему, она исходила, он споткнулся в темноте обо что-то, вероятно, о кувшин с водой. Движение воздуха прекратилось: вытянув руки, Вивенцио уперся в стену. Некоторое время от стоял неподвижно, но больше ничего не происходило. Остаток ночи ничего не привлекло его внимания, хотя он и не оставил своей бессонной вахты.

Занимавшаяся заря тускло высветила квадраты зарешеченных окон. Неясно очерченные, их контуры выделялись во мраке, наполнявшем темницу. В страхе, почти бессознательно, Вивенцио обратил взгляд к окнам и впился в них горячечным взором.

Теперь их осталось только четыре! Но вдруг какой-нибудь предмет заслонил и сделал невидимым пятое окно? И Вивенцио терпеливо ждал, пока рассветавший день даст ему возможность удостовериться в этом. Наконец, солнечные лучи осветили внутренность клетки, и ее убранство предстало глазам изумленного Вивенцио. Пол покрывали осколки кувшина, которым он пользовался накануне, а неподалеку от них, у самой стены стоял еще один, виденный им в первый день заключения, и рядом — новое блюдо с едой.

Теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что с помощью хитроумных механизмов дверь открывается в самой стене, и что именно через эту дверь ночью дул воздух. Но, бог мой, как тихо! Ведь упади тогда на пол перышко — он бы услышал. Он снова осмотрел замеченный участок стены: как на вид, так и на ощупь, это была ровная, однородная поверхность, сколько ни стучал он по ней — удары не отзывались пустотою.

Эти занятия на время отвлекли его от окон; однако, повернувшись к ним, он увидел, что пятое окно исчезло таким же непостижимым образом, как и предыдущие два: без видимого изменения окружавшей его обстановки. Оставшиеся четыре располагались точно так же, как незадолго до того — семь; так же, отступая на неравные промежутки друг от друга, выстроились они под самым потолком на одной из стен. Входная дверь, врезанная в стену напротив, тоже, казалось, спокойно стояла точно посередине этих четырех, как до того — посередине семи окон. Но больше не оставалось сомнений в том, что еще вчера Вивенцио приписал бы оптическому обману.

Камера стала меньше. Потолок опустился, а противоположные стены сошлись как раз на то расстояние, которое занимали исчезнувшие окна. Тщетно он искал объяснения этому поразительному открытию. Какую жуткую цель преследовали открывшиеся ему метаморфозы, какая дьявольская пытка была уготовлена ему?

Подавленный увиденным, терзаемый неопределенностью, которую готовила ему судьба, Вивенцио размышлял, предполагая самое худшее. Час проходил за часом, а он все не уставал пожинать урожай возлеянных ужасов. Наконец, воображение отказалось дарить их ему. Страшное подозрение зародилось в его мозгу, и в ярости он вскочил на ноги.

— Да! — воскликнул он, дико озирая темницу и вздрагивая. — Да! Вероятно, все так! Я вижу это! Потолок падет на меня! Стены обступят меня! — и медленно, медленно раздавят меня в железных тисках!

В отчаянии он бросился на железный пол...

За день он не прикоснулся к еде. Ни одна капля воды не смочила его обожженных слезами губ. Он не спал вот уже тридцать шесть часов. Он ослабел от голода и ночных бдений; выплеснутое в рыданиях горе опустошило его. Он попробовал принесенную пищу, он жадно выпил всю воду в кувшине и повалился на солому как пьяный. Он лежал и размышлял о своем страшном будущем, и неотвратимость его сводила Вивенцио с ума.

Он спал. Но сон не приносил ему облегчения. Всем естеством своим он противился ему, а когда уступил, жуткие видения посетили его; чудовищные фантазмы терзали его мозг, он вскрикивал, звал на помощь, как будто массивный потолок уже надвигался на него; он тяжело дышал и извивался, зажатый между сближающихся стен. Он вскакивал на постели и дико озирался. Он простирал руки и убеждался, что осталось еще достаточно места для жизни, и вновь падал и вновь утопал в цепкой паутине горячечных снов.

Разгорелось утро четвертого дня, но был уже полдень, когда сознание вернулось к оправившемуся от столбняка Вивенцио. Невозможно описать отчаяние, выразившееся на его лице, когда он взглянул вверх и увидел, что осталось только три окна!

Только три! — они, казалось, отсчитывали оставшие-

ся ему дни. Неспеша оглядел он затем потолок и стены и обнаружил, что сегодня высота его клетки заметно уступает прежней, равно как и ширина ее.

Теперь сжатие его темницы было слишком очевидно и осязаемо, чтобы быть плодом его воображения. Все еще теряясь в догадках о причинах изменений, Вивенцио больше не мог обманываться относительно своей участи. Какой же дьявольский гений создал эти стены, потолок, окна — так бесшумно и незаметно для узника могли они передвигаться и сходиться, в конце концов! Как это происходит, Вивенцио не понимал, но он знал, что они так могут; и тщетно старался он убедить себя, что замысел создателя — пронзить несчастного сознанием грозящей опасности и в пик его агонии остановить адскую машину.

С радостью он ухватился бы за такую возможность, если бы только его сердце позволило ему. Однако он чувствовал ненужность этого обмана. Сколь бесчеловечно — обрекать узника на столь длительные мучения; сколь бесчеловечно, жестоко — день за днем подвигать его к жуткой кончине. Лишенного исповеди, не видящего ни одного живого существа, целиком предоставленного самому себе, лишенного всего, даже утешительной надежды на чудесное избавление, его ожидает смерть в одиночестве! В одиночестве он должен ждать медленной гибели, и самые сильные из его мук — одиночество и неспешная неотвратимость.

...Он решил не спать в эту ночь и ждать тех изменений, которые заметил за день до этого. Как только он почувствует дрожание пола или движение воздушной струи из таинственной двери, он станет кричать и звать на помощь. Кто-нибудь может оказаться рядом и услышать его, и может быть этот кто-то почувствует жалость к нему. Даже если не почувствует, то, может быть, скажет, сколь справедливы его опасения, действительно ли его судьба так ужасна, как он нарисовал ее. Любой ответ будет лучше повисшей над ним неизвестности.

Наступила ночь, и пришло время, когда Вивенцио рассчитывал заметить то, что так потрясло его раньше. Затаив дыхание, он замер на месте. Однако, простояв так некоторое время, он решил, что лучше почувствует загадочное движение, если вытянется на железном полу.

Он улегся, и прошло совсем немного времени, когда —

да, в этом он был уверен! — пол тронулся под ним! Тотчас же он вскочил на ноги и громко закричал, слезы душили его. Он перестал кричать — пол замер и не двигался больше. В этот раз он не ощутил холодного дуновения; все стихло, и никто не ответил ему. Рыдая, он опустился на железный пол.

Еще одно утро забрезжило в темнице несчастного узника, и гибельная судьба предстала его взору. Два окна! Два дня — и все будет кончено! Свежая вода и новая пища! К нему опять приходили, и тщетно он пытался это заметить. Но, Боже! Какой ужасный ответ принес его молитвам день! Потолок темницы находился теперь всего в нескольких футах от его головы. Стены по обе стороны от окон сблизились настолько, что шести шагов оказалось достаточно, чтобы перейти от одной к другой. Вивенцио задрожал, обходя и осматривая свое узилище.

Рыдания больше не облегчали душу. Скрестив на груди руки, сжав челюсти, с красными от недосыпания глазами он несколько часов молча вымеривал шагами оставшееся ему пространство. Внезапно он перестал шагать и впился глазами в участок стены, приходившийся над его железным ложем. Там проступала надпись! Надпись, сделанная рукой человека! Он бросился к стене, но кровь застыла у него в жилах, когда он начал читать:

«Я, Людовико Сфорца, прельстившись золотом принца Толфи, трудился три года, создавая сей дьявольский триумф моего искусства. Когда работа была завершена, вероломный Толфи, более дьявол, чем человек, однажды утром привел меня сюда, чтобы, так он сказал, посмотреть на работу. Он бросил меня в машину и обрек стать первою жертвой пагубного творения. Иначе, сказал он, я мог бы раскрыть тайну или повторить свое гениальное произведение. Быть может, Господь смилиуется над ним, как смилиуется он надо мной, служившим столь кощунственной затее! Несчастный, кто бы ты ни был, читающий эти строки, пади на колени и молись, как молился я, ибо только Его всепрощение, Его милость могут поддержать тебя, дабы достойно встретить месть вооруженного страшным орудием Толфи. Через несколько часов стены раздавят тебя, как раздавят они своего проклятого создателя».

Стон вырвался из груди Вивенцио...

Надежда оставила его. Прочитанная надпись была приговором. Будущее развернуло покровы и открылось в пугающей наготе. Ужас обьял его — треск костей и предсмертные хрипы мерещились ему, сжатому в мощных объятьях железных стен! Не сознавая, что делает, он принял ощупывать карманы, отыскивая какой-нибудь предмет, с помощью которого он мог бы уйти из жизни. В отчаянии он сжал рукой собственное горло, желая задушить себя...

Вечернее солнце заиграло в одном из окон, и радость охватила Вивенцио, когда он увидел лучи его! Хрупкая нить на миг соединила его с миром, раскинувшимся за стеною. Приятные мысли проплывали в его мозгу, и в какой-то момент ему показалось, что окна за ночь опустились достаточно низко, и, привстав, он сможет выглянуть в них. Одним прыжком он достиг стены, еще прыжок — и приник к прутьям решетки. Было ли то злое намерение: поселить безумное отчаяние в душе обреченного прекрасным видом, открывавшимся за стеной, или нет, но зелень долины, пролегающей между скалистых вершин, небо, заходящее солнце и океан, оливковые деревья и тенистые тропки, и далеко вдали — ослепительный отблеск милой Сицилии: краски взорвались в его глазах. Как восхитителен был холодный бриз, обдувающий его лицо и наполнявший его ноздри восхитительными ароматами. Он вдыхал запах жизни. Рокот спокойных волн, божественная прелесть ландшафта падали на его измученное сердце, как капли росы падают на иссущенную зноем землю.

И пока он смотрел, к нему возвращалось мужество! То одной, то другой рукой он схватывал прутья решетки. Он не желал отпускать райские видения, открывшиеся ему. Наконец, руки его затекли и онемели: без сил он упал вниз и некоторое время лежал, оглушенный падением.

Когда он пришел в себя, чудесные видения исчезли. Его снова окутывала непроглядная тьма. Он уже сомневался, не виделся ли ему сон, но, постепенно события прошедшего вечера всплыли в его мозгу. Да! В последний раз он наяву видел великолепие и пышность природы!

Мысли вновь заметались в его голове, когда он, опустив веки, представил себе глухой шепот неиссякающих волн и покойный сон под оливковыми деревьями.

ми. О, как он хотел бы быть моряком, отдавшимся на милость бури; он был бы проклятым, замученным, пусть бы тело его покрыла проказа, но если бы ему суждено кончить дни в сени зеленых деревьев, если бы участь переменилась для него!

Тщетные мысли терзали мозг помимо его воли; но они не могли вывести его из оцепенения, которое овладело им и не отпускало всю ночь, подобно тому, как не выпускают своих жертв цепкие когти опиума. Ни голод, ни жажда не мучили его, хотя шел уже третий день с тех пор, когда он в последний раз ел. Он то садился, то снова укладывался на железном полу; иногда тяжелое забытье завладело им, но все остальное время он мрачно раздумывал о грядущем. Порою безумие поселялось в его душе, и тогда он выкрикивал бессвязные мольбы, грозил и звал, и все смешивалось в его мозгу.

Жалкий, раздавленный, встретил он шестой и последний рассвет, если это можно было назвать рассветом; неясный серый отблеск едва пробивался сквозь оставшееся окно. Возможно, он не сразу заметил зловещий знак, но слабый луч коснулся его глаз, и немая судорога исказила его лицо, когда он понял, как мало ему осталось ждать.

Пока он спал, его кровать подверглась чудовищной метаморфозе, это была не кровать более: перед Вивенцио стояло нечто, напоминавшее похоронные drogi. Увидев их, он поднялся с пола и, неожиданно, ударился головой о потолок клетки; теперь потолок был так низок, что не позволял ему выпрямиться в полный рост.

— Да исполнится воля Господня! — все, что смог выговорить потрясенный Вивенцио, наклоняясь и протягивая руки к дрогам.

Механический гений Людовико Сфорца изрядно потрудился над ложем: сближаясь, стены касались его подножия и изголовья, и в действие вступали скрытые пружины, они-то и производили представшую взору узника трансформацию. Дьявольский замысел преследовал единственную цель: породить новую волну отчаяния и страха, без того переполнявших душу несчастного. Для этой же цели последнее из окон было устроено так, чтобы свет, проникавший в него, не рассеивал наполнявшего клеть сумрака и тем усугублял ожидание смерти.

Вивенцио опустился на колени и горячо молился, слезы бежали по его щекам. Воздух казался густым и необычайно плотным, и Вивенцио с трудом вдыхал его. Может быть, это казалось ему, зажатому в сужившемся нутре клетки; теперь он не мог ни стоять, ни лежать, выпрямившись в полный рост.

Удар гигантского колокола сотряс распростертого на полу Вивенцио! Он вскочил на ноги. Колокол ударили вновь. Близость его была ошеломляющей: казалось, он в щепки раскалывал мозг; как гром он рокотал в скалистых переходах. Колоколу вторил ужасный скрежет стен и полов, как будто они готовились упасть и раздавить несчастного в сей же миг. Вивенцио закричал и протянул руки, упираясь в сдвигавшиеся стены, как будто бы его сил хватило, чтобы удержать их. Стены стронулись и замерли вдруг.

Вивенцио взглянул вверх: потолок почти касался его головы, хотя он сидел, поджав под себя колени. Еще несколько дюймов, и придет конец ужасным мучениям. Он не двигался. Тело его сотрясала мелкая дрожь: ему пришлось согнуться, сложившись почти вдвое. Локти его упирались в противоположные стены; коленями, поджатыми под себя, он касался стены напротив. В таком положении он оставался около часа, затем адский колокол ударили снова, и вновь раздался скрежет приближающейся смерти. Удар в этот раз был так силен, что сбросил Вивенцио на пол.

Он извивался и корчился среди обступавших его стен, когда колокол ударили еще. Он бил чаще и громче; но скрежет стен заглушал его звук, и машина неотвратимо подвигалась к цели, пока, наконец, приглушенные стоны Вивенцио стали не слышны более! Его раздавили массивный потолок и сошедшиеся стены, и смятые дроги плотно облекли его тело в железный саван.

ДВЕ СТАРЫЕ ДЕВЫ

Эрнтон Грант, без сомнения, был первоклассным детективом. Однако теперь, после долгих разъездов с картой и компасом по дорогам Девоншира, его успехи были более чем скромны. Даже Флип, его маленький белый терьер, укутанный в пару толстых пледов, и тот поглядывал на него укоризненно. С унылым возгласом Грант остановил урчащую машину на вершине холма, наиотвратительнейшего из всех, какие когда-либо приходилось преодолевать его «Форду». В растерянности он принялся оглядывать окрестности.

Всюду глазам открывалось одно и то же. Там и тут тянулись обширные выгоны и поляны, перемежаемые лесистыми лощинами невероятной глубины. Не было видно никаких признаков обрабатываемых земель, ничто не выдавало присутствия людей на этих бескрайних просторах. На всем пути Гранту не повстречалось ни одной автомашины. Не было ни почтовых столбиков, ни деревень; ни навесов, ни укрытий. В избытке был только дождь, дождь и туман. Флип, выставивший наружу один нос, с отвращением фыркал и чихал, а Грант, после того, как разжег свою трубку, не переставая, тихо ругался себе под нос. Ну и местечко! А эта карта! Грант торжественно проклял ее составителя, затем типографию, где ее взялись печатать. В заключение он проклял магазин, где купил ее. Когда он кончил, Флип отважился вылезть из одеял чуть дальше кончика своего носа и тявкнул в знак одобрения.

— Где-то здесь, а может и нет, — рассуждал вслух Грант, — должна быть деревня Нидд. Последний указатель в этой чертовой местности обещал шесть миль до нее. От него мы проехали по меньшей мере миль двенадцать, и не было ни одного поворота ни вправо, ни влево — похоже на то, что эта деревенька существует только на карте.

Лицо его было белым, как
простыни, на которых он лежал,
и Грант с первого взгляда понял, что незнакомец мертв.

Его глаза напряженно всматривались в сматривавшуюся темноту. Редкие просветы в облаках открывали перед ним местность, как казалось, на мили вперед, и нигде не было видно признаков человеческого жилья. Он подумал о дороге, по которой они с Флипом только что ехали, и мысль о возвращении заставила его содрогнуться. Чудо свершилось в тот момент, когда Грант наклонился слегка вперед, всматриваясь в облака пара, окутавшие радиатор; чуть левее, вдалеке он увидел слабо поблескивающий огонек. В ту же секунду Грант выскочил из машины, вскарабкался на камень и стал всматриваться туда, где блеснуло. Вне всяких сомнений это был огонь; следовательно, вокруг него должен был стоять дом. Глаза Гранта с трудом отыскали грубую колею, идущую в нужном ему направлении. Он снова забрался в машину, завел мотор и проехал около сорока ярдов, когда уперся в какие-то ворота. Дорога по другую сторону выглядела ужасающе, однако это была дорога. Грант открыл ворота и проехал, с устроенным вниманием склонившись к рулевому колесу, — каким-либо другим чувствам дорога не оставляла места.

Местный транспорт, если таковой существовал, очевидно, состоял единственно из фермерской тележки, и вид ее понемногу начинал обрисовываться в мозгу Гранта: валкая, с огромными щелями в дощатом дне и с гигантскими, медленно поворачивающимися колесами. Все же, какой бы плохой ни была дорога, Грант продвигался вперед и уже миновал край чудовищной по размерам клумбы; проехал, к радости своей, наполовину засеянное поле и еще одни ворота, створ которых, казалось, подпирал облака. От них дорога замысловатым штопором свивалась вниз, под горку, и наконец, знакомый огонек замигал прямо перед ветровым стеклом. Грант вылез из машины, прошел через запущенный сад и потянул на себя полуразвалившуюся железную калитку. Он аккуратно закрыл ее за собой, пересек несколько ярдов заросшей травой и хлипкой от грязи аллеи и в конце концов достиг дверей строения, вполне сошедшего бы за овин или амбар, если бы это сходство не нарушал мерцающий в окне огонек. Человеческому воображению пришлось бы потрудиться, чтобы представить себе это унылое сооружение, однако, в нем жили, и оно называлось домом.

Испытывая облегчение от того, что наконец-то найден

ночлег и крыша, Грант взошел на крыльце и постучал в дубовую дверь. Почти сразу же он услышал, как внутри чиркнули спичкой; пламя свечи отразилось в незашторенных окнах слева от него. В прихожей послышались шаги, и дверь открылась. Перед Грантом, лицом к лицу стояла женщина; она чересчур высоко держала зажженную свечу, так что свет от нее полуосвещал, полупрятывая ее черты. Какая-то твердость или решительность исходила от ее фигуры, и это Грант отметил в первые же секунды у двери.

— Что вам угодно? — спросила она.

Грант после того, как снял свою шляпу, полагал, что ответ на этот вопрос излишне очевиден. Дождь струйками стекал с его макинтоша. Лицо Гранта посигнуло и съежилось от холода.

— Я сбился с дороги, — тем не менее объяснил он. — Я уже несколько часов пытаюсь найти какую-нибудь деревню или гостиницу, но вы — первые люди, которых я встретил здесь. Не могли бы вы пустить меня переночевать?

— С вами еще кто-нибудь есть? — осведомилась женщина.

— Я один, — ответил ей Грант. — Со мной только маленький песик, — добавил он, услышав радостное тявканье Флипа.

Женщина задумалась.

— Машину вам лучше поставить под навесом, налево от дома, — сказала она. — После этого можете заходить. Мы что-нибудь придумаем для вас. На многое не рассчитывайте.

— Очень признателен вам, мадам, — Грант вложил в эти слова всю сердечность, на которую был способен.

Он отыскал навес, где доживали свой век две ветхие, полуразвалившиеся тележки, и поставил туда свою машину. Затем выпустил Флипа и вернулся к входной двери, оставшейся открытой. Ориентируясь по звуку потрескивающих поленьев, он прошел в просторную каменную кухню. Перед огнем, в кресле с высокой спинкой сидела еще одна женщина. Сложив на коленях руки, она, не отрываясь, смотрела в направлении входной двери, как будто ожидая прихода Гранта. Такая же высокая, как и первая из встреченных им, она уже достигла дальних границ того возраста, что называется зрелостью, однако облик ее и черты лица поражали изя-

ществом. Женщина, которая впустила его, склонилась у камина. В изумлении Грант перевел взгляд с одной на другую: они были поразительно похожи друг на друга.

— Я очень благодарен вам за то, что вы пустили нас; — начал было он, но осекся. — Флип! Веди себя прилично!

Перед камином лежал огромный лохматый пес. Не раздумывая ни секунды, Флип подскочил к нему и яростно залаял. Пес, слегка удивленный, поднялся и с интересом посмотрел вниз. Флип немедленно улегся на освободившееся место, удовлетворенно потянулся и закрыл глаза.

— Я должен извиниться за мою собаку, — продолжал Грант, — она сильно продрогла в дороге.

Косматый пес отошел на несколько шагов и сел на задние лапы, обдумывая случившееся. Тем временем женщина, которая открыла дверь, извлекла из шкафа чашку и блюдце, буханку хлеба и маленький кусок бекона, от которого отрезала несколько ломтиков.

— Подвиньте свое кресло ближе к огню, — пригласила она. — Мы можем предложить вам очень немногое, но я постараюсь приготовить что-нибудь вам поесть.

— Мне кажется, будто я попал в гости к добрым самаритянкам, — с некоторой горячностью проговорил Грант.

Он сел напротив второй из женщин; за весь вечер она не проронила ни слова, однако Грант все время чувствовал на себе ее пристальный, изучающий взгляд. Молчаливость сестер была также поразительна, как и их сходство. Они носили одинаковые платья, казавшиеся Гранту неуклюжими и тяжелыми; их волосы, каштановые с проглядывающей сединой, были одинаково причесаны. Их одежда, речь, манеры принадлежали одному миру, и все же в них угадывалось какое-то странное и безошибочное отличие друг от друга.

— Любопытно узнать, — сказал Грант, — далеко ли отсюда до деревни Нидд?

— Это недалеко отсюда, — отвечала женщина, не подвижно сидевшая напротив. — Для того, кто знает дорогу туда, это совсем близко. Глупо, но приезжие больше надеются на карты и дороги. Здесь многие сбиваются с пути.

— Но ваш дом стоит вдали от дорог, как же вы здесь живете? — поинтересовался Грант.

— Мы родились здесь, — ответила женщина напротив. — И ни я, ни моя сестра не испытываем желания путешествовать.

На сковороде зашипел бекон. Флип приоткрыл один глаз, облизнулся и сел на полу около кресла. Через несколько минут еда была готова. Дубовые кресла с высокими спинками перенесли к столу. Там уже стоял чай, тарелка с яйцами и беконом, большая буханка хлеба и маленький кусочек масла. Грант сел в свое кресло.

— Вы уже ужинали? — спросил он.

— Да, давно, — ответила женщина, которая готовила для него еду. — Пожалуйста, накладывайте себе сами.

Она опустилась в другое дубовое кресло, точно напротив своей сестры. Грант и Флип у его ног принялись за еду. Оба не ели уже несколько часов и поэтому некоторое время не замечали ничего, кроме своих тарелок. Чуть позже, наливая вторую чашку чая, Грант снова взглянул на своих хозяек. Теперь они обе чуть отодвинули от огня свои кресла и внимательно рассматривали его — без любопытства, но с какой-то непонятной и настороживающей задумчивостью. Грант вспомнил, как они по очереди обращались к нему с вопросами, и отметил, что за весь вечер ни одна из них не сказала что-либо другой.

— Слов нет, как все было вкусно, — чуть погодя сказал Грант. — Прошу извинить мне непомерный аппетит.

— Вероятно, вы целый день были в дороге и ничего не ели? — предположила одна из сестер.

— Да, мы с Флипом на колесах с половины первого.

— Вы путешествуете для собственного удовольствия?

— Я тоже так думал. До сегодняшнего вечера, — ответил Грант и улыбнулся, но не получил ожидаемого вопроса.

Женщина, которая открывала дверь, подвинула свое кресло на дюйм или два ближе к нему. С некоторым любопытством он отметил, что как только она переставила свое кресло — ее сестра сделала то же самое.

— Как вас зовут?

— Эрнстон Грант, — ответил он. — Могу я узнать, кому я обязан радушным приемом?

— Меня зовут Матильда Краск, — отчеканила первая.

— А меня — Аннабель Краск, — эхом отозвалась вторая.

— И вы живете здесь совсем одни? — скорее предположил, чем спросил Грант.

— Да, мы живем здесь одни, — подтвердила Матильда. — Нам здесь нравится.

Этот разговор сильно озадачил Гранта. Речь сестер была довольно обычной для Девоншира: те же интонации и легкое сглатывание согласных. Однако, с другой стороны, говорили они правильно, избегая любимых валлийцами словечек. Сама мысль о том, что они могли безвыездно жить в этом богом забытом крае, казалась Гранту невероятной.

— Если у вас здесь ферма, — настаивал он, — то поблизости должны быть дома работников или деревня?

Матильда отрицательно покачала головой.

— Ближайшая хижина, — доверительно сообщила она, — отстоит в трех милях отсюда. Сами мы не занимаемся землею. У нас пять коров — с ними немного хлопот; и немного птицы.

— Очень уединенная жизнь, — пробормотал Грант.

— Мы так не думаем, — живо отозвалась Аннабель,

Грант передвинул свое кресло, устраиваясь поудобнее. Филип с довольным ворчанием вспрыгнул ему на колени.

— А что вы делаете, если вам нужно что-нибудь купить?

— Каждую субботу, — ответила Матильда, — к нам заходит разносчик из Эксфорда. Наши желания очень умеренные.

Просторная комната, где они сидели, без мебели казалась странно пустой; Грант заметил это, когда вошел. Свет единственной керосиновой лампы не рассеивал сумрака, фигуры обеих женщин виднелись как в тумане. Временами их отчетливо освещали извивавшиеся в камине языки пламени, и Грант изумлялся, насколько они походят одна на другую, совсем как близнецы. Он поймал себя на мысли, что думает об их прошлом. Должно быть, когда-то они были очень красивы.

— Позвольте еще раз злоупотребить вашим гостеприимством, — сказал он после несколько затянувшейся паузы, — я хотел бы узнать, где мне предстоит переночевать? Меня устроит любое место, — добавил он поспешно.

Матильда поднялась со своего кресла. С каминной полки она сняла новую свечу и зажгла ее.

— Идемте, — сказала она, — я покажу, где вы будете спать.

Грант тоже стал подниматься с кресла. По чистой случайности он взглянул на Аннабель и был поражен, как внезапно и странно изменилось ее лицо — оно выражало почти ненависть. Грант наклонился так, чтобы ее голова оказалась между ним и керосиновой лампой, и еще раз недоверчиво взглянул на нее. Недавнее выражение, если оно и было, исчезло с ее лица. Аннабель спокойно смотрела на него, однако в глазах ее оставалось то нечто, чего он не мог отгадать.

— Идемте, я провожу вас, — повторила Матильда.

Грант встал. Флип обернулся и напоследок еще раз дерзко обляял огромного косматого пса, лежавшего теперь в стороне от камина. Не получив ответа, Флип затрусил за хозяином.

Они прошли прекрасно отделанной, но почти совершенно пустой прихожей, и по широкой дубовой лестнице поднялись на второй этаж. Из-под двери одной из комнат просачивался слабый желтый свет; Матильда на секунду остановилась возле нее и прислушалась.

— У вас есть еще гости? — поинтересовался Грант.

— Это гость Аннабель, — ответила Матильда. — Вы — мой гость. Идите за мной, пожалуйста.

Она привела его в спальню с огромной кроватью, задернутой пологом; кроме кровати в комнате ничего не было. Матильда поставила свечу на стол и откинула угол похожего на лоскутное одеяла. Она потрогала простыни и одобрительно кивнула. Машинально Грант последовал ее примеру. К его удивлению простыни были теплыми. Матильда указала на большую медную грелку с длинной рукояткой, стоявшую в дальнем углу у камина; тоненькой струйкой из нее поднимался дымок.

— Вы кого-нибудь ждали сегодня вечером? — с любопытством спросил Грант.

— Мы все время ждем, — ответила она.

Забыв пожелать ему спокойной ночи, Матильда вышла из комнаты. Грант окликнул ее, но она не отозвалась; с лестницы донеслись ее ровные шаги. Снова нависла гнетущая тишина — тишина внизу и тишина вокруг, в комнате, отведенной Гранту. Флип в это время обнюхивал углы и закоулки, фыркал, сопел и по

временам тихо рычал. Открыв окно, Грант потянулся за сигаретой.

— Не знаю почему, только вы мне совсем не нравитесь, девчонки, — проговорил он. — Странный у вас дом.

* * *

За окном смотреть было не на что; шум близкой речки и дождевые капли, ударяющие в стекло, заглушали все остальные звуки. Неожиданно Грант вспомнил о сумке с вещами; оставив дверь открытой, он спустился на кухню. Обе женщины сидели точно так же, как они сидели до его прихода или во время еды. Обе смотрели на него, но ни одна не произнесла ни слова.

— Если вы не возражаете, — начал объяснять Грант, — я забрал бы из машины мою сумку.

Матильда кивнула, и Грант направился к выходу. В темноте, спотыкаясь и оскальзываясь, он добрался до навеса и вытащил из багажника сумку. Перед тем, как вернуться, он открыл отделение с инструментами и сунул в карман электрический фонарик. Когда он вернулся, женщины все так же сидели в своих креслах и молчали.

— Жуткая непогода, — заметил он. — Я очень признателен вам за то, что вы пустили нас под крышу.

Обе сестры посмотрели на него, но ничего не ответили. Он поднялся в комнату и первым делом плотно закрыл дверь и тут же нахмурился, с неудовольствием обнаружив, что на двери нет ничего кроме защелки, — но потом негромко рассмеялся: он, Эрнстан Грант — детектив, поймавший знаменитого Неда Булливанта, победитель смертельных схваток — почему-то нервничает в этом уединенном домике в компании двух странных женщин.

— Когда я брал отпуск, — пробурчал он себе под нос, — мы не знали, что такое нервы, не правда ли, Флип? — добавил он.

Флип приоткрыл один глаз и заворчал. Это озадачило Гранта.

— Тебе-то что может здесь не нравиться? — вслух подумал Грант. — И все же интересно, кто у них спит в той комнате?

Он снова, на этот раз очень мягко открыл свою

дверь и прислушался. Практически ничего не нарушало безмятежной тишины в доме: только снизу, из кухни, доносились мерное тиканье часов. Выглянув в коридор, Грант различил полоску желтоватого света под одной из дверей напротив. Приблизившись к ней вплотную, он остановился и с минуту прислушивался. Внутри стояла абсолютная тишина — не было слышно даже дыхания спящего. Осторожно он возвратился, закрыл собственную дверь и принял раздеваться. На дне его сумки лежал небольшой автоматический пистолет. С минуту он вертел его в руках. Потом бросил обратно. Электрический фонарик, однако, он положил в изголовье кровати. Перед тем как лечь, он еще раз выглянул в окно. Шум речки или ручья казался сильнее, чем прежде. Больше ничего не было слышно. Дождь кончился, но небо оставалось по-прежнему пустым и черным. Поеживаясь от холода, Грант отошел от окна и забрался в постель.

* * *

Он не имел ни малейшего представления, который сейчас час: чернота за окном нисколько не рассеивалась, когда его неожиданно разбудило глухое ворчание Флипа. Пес выбрался из-под вороха пледов, и Грант отчетливо видел его глаза — злые искорки, отсвечивающие в темноте. Какое-то время он лежал неподвижно, прислушиваясь. С самого пробуждения он знал, что в комнате есть кто-то еще, чужой. Это подсказывала интуиция, хотя Грант до сих пор не уловил ни единого шороха. Осторожно он провел рукой вдоль изголовья кровати; нашупав электрический фонарик, включил его. И в тот же миг, с непроизвольным криком откинулся назад, на подушки. В нескольких футах от него стояла Матильда, одетая в свое вечернее платье. В руке, протянутой к Гранту, она сжимала зловещего вида нож; таких Гранту еще не приходилось видеть. В испуге Грант скатился по другую сторону кровати, продолжая держать Матильду в кольце света.

— В-вам что нужно? — он поразился, как неуверенно звучит его голос. — Что за глупости? Зачем вы держите этот нож?

— Вильям! Я так ждала тебя, Вильям, — отвечала

она. Нотка разочарования сквозила в ее словах. — Почему ты не приходил так долго?

Грант, ломая спичку за спичкой, торопливо зажигал свечу. Пальцы, некогда сжимавшие пистолет, направленный на Булливанта, державшие его на мушке с покорно поднятыми руками две долгие как жизнь минуты — эти пальцы теперь непослушно дрожали. Осветив комнату, Грант почувствовал себя гораздо увереннее.

— Бросьте нож на кровать, — приказал он, — что вы собирались им делать?

— Я хотела убить тебя, Вильям, — произнесла Матильда.

— Зачем? — поразился Грант.

Она печально покачала головой.

— Это единственный путь... — она замолчала.

— Да мое имя совсем не Вильям, — снова начал Грант, — но что вы хотите сказать, говоря, что это единственный путь?

Она улыбнулась грустно и недоверчиво.

— Ты не можешь скрыть от меня свое имя, — сказала она. — Ты — Вильям Фаулшем. Я узнала тебя сразу, хотя ты так долго не приходил. Когда пришел он, — добавила она, показывая в направлении соседней комнаты, — Аннабель поверила, что он — Вильям. Я не мешала ей встретить его. Я знала. Я знала, что если подожду немного — придешь ты.

— Хорошо, оставим в покое мое имя, — Грант продолжал задавать вопросы, — но зачем, скажите, вам понадобилось убивать меня? Почему вы говорите, что это — единственный путь?

— Это единственный путь удержать мужчину, — ответила она. — Аннабель и я поняли это, когда ты бросил нас. Ты знал, как мы тебя любили, Вильям; ты обещал каждой из нас никогда не покидать нас — ты помнишь? Поэтому мы сидели здесь и ждали, когда ты вернешься. Мы ни о чем не говорили, потому что мы все знали.

— Вы хотите сказать, что собирались убить меня затем, чтобы я остался с вами, так? — настаивал Грант.

Матильда с нежностью посмотрела на брошенный нож.

— Это совсем не убийство, — сказала она. — Разве

ты не видишь, что никогда не сможешь уйти отсюда? Ты останешься здесь навсегда.

Постепенно Грант начал кое-что понимать; в его мозг вползла жуткая догадка.

— А что случилось с тем человеком, про которого Аннабель ~~погумала~~, будто он — Вильям? — спросил он.

— Если хочешь, ты можешь посмотреть на него, — очень живо отозвалась Матильда. — Ты увидишь, какой он безмятежный и счастливый. Возможно, ты даже пожалеешь, что проснулся. Идем со мной.

Грант забрал нож и вышел следом за ней из комнаты. В коридоре, под дверью напротив, продолжала гореть узкая полоска света — путеводного: именно его Грант заметил с дороги. Матильда бесшумно открыла дверь и подняла свечу над головой. В этой комнате тоже стояла огромная кровать с пологом — на ней, вытянувшись, лежал мужчина с неухоженной, всклокоченной бородой. Лицо его было белым как простыни, на которых он лежал, и Грант с первого взгляда понял, что незнакомец мертв. Рядом с ним, у изголовья, выпрямившись в массивном дубовом кресле с высокой спинкой, сидела Аннабель. Когда Матильда и Грант вошли, она нахмурилась и предостерегающе подняла палец:

— Тише, — прошептала она. — Вильям спит.

* * *

Едва проблеск зари, словно указующий перст, раздвинул тяжелую пелену туч, в деревню Нидд, пошатываясь, вошел измученный, смертельно уставший человек; его сопровождал маленький белый терьер. Увидев на одной из дверей медную пластинку, человек с облегчением вздохнул и потянул шнурок колокольчика; это было все, на что ему хватило сил. Тотчас распахнулось окно, и из него высунулась взлохмаченная голова.

— Кто там, в такую рань! — простонала она. — Что там у вас?

Грант поглядел вверх.

— Я был на ферме в нескольких милях отсюда, — прокричал он. — Там мертвец и две сумасшедшие женщины.

— Мертвец? — переспросил доктор.

— Да, я видел его своими глазами. Моя машина сломалась по дороге, иначе я был бы здесь гораздо раньше.

— Я буду через пять минут, — пообещал доктор, закрывая окно.

Спустя немного времени оба сидели в докторском «Лендровере», направляясь обратно к ферме. Было уже совсем светло, небо понемногу прояснилось, и вскоре они остановились перед старым домом. На стук никто не ответил. Тогда доктор толкнул дверь и шагнул внутрь. Они прошли на кухню. Камин догорел, но Матильда и Аннабель так и сидели возле него в своих дубовых креслах с высокими спинками. В молчании они смотрели друг на друга широко раскрытыми глазами. Обе обернулись, когда вошли доктор и Грант. Аннабель удовлетворенно кивнула.

— Это доктор, — сказала она. — Доктор, я рада, что вы пришли. Вы, конечно, знаете, что Вильям вернулся. Он вернулся ко мне. Он лежит наверху, но я не хочу будить его. Я сижу с ним и держу его руку; я говорю с ним, но он ничего не отвечает. Он спит так крепко. Пожалуйста, разбудите его. Я покажу вам, где он лежит.

Она вышла из комнаты, и следом за ней — доктор. Матильда прислушалась, как на лестнице затихают их шаги, и обернулась к Гранту; на губах ее снова играла прежняя странная улыбка.

— Аннабель и я не разговариваем друг с другом, — объяснила она. — Мы поссорились почти сразу, как ты ушел. Мы так долго не говорили с ней, что я даже забыла, сколько лет прошло с тех пор. Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь сказал ей, что человек тот, наверху, совсем не Вильям. Мне бы очень хотелось, чтобы она узнала, что Вильям — это ты, и что ты вернулся ко мне. Садись, Вильям. Доктор ушел. Сейчас я разведу огонь и приготовлю тебе немного чая.

Грант сел, чувствуя, как у него снова начинают дрожать руки. Женщина смотрела на него с любовью.

— Тебя не было так долго, — продолжала она, — но я все время знала, то ты придешь. Странно, что Аннабель не узнает тебя. Иногда я думаю, что мы живем здесь слишком долго, и она потеряла

память. Я рада, что ты привел доктора, Вильям. Теперь Аннабель узнает, что она ошиблась.

С лестницы послышались торопливые шаги. Вшел доктор. Он взял Гранта под локоть и отвел в сторону.

— Вы были совершенно правы, — мрачно сказал он. — Человек наверху — бродячий жестяник; бедняга пропал около недели тому назад. Я думаю, он мертв по меньшей мере дня четыре. Кто-то из нас должен остаться здесь, пока другой съездит в полицейский участок.

Грант порывисто схватил свою шляпу.

— Пойду вызову полицию, — сказал он.

ПЕЩЕРА

— Нервы у вас как струны у пианино, — врач внимательно посмотрел на Джеймса. — Постарайтесь не перенапрягать их. Мне бы не хотелось вас пугать, но излишнее волнение, и... вы понимаете?

Джеймс молча кивнул.

— Съездите куда-нибудь, отдохните, расслабьтесь. Только не перенапрягайтесь. Вы женаты?

Джеймс снова кивнул.

— Объясните ситуацию вашей жене: она должна понять, что сейчас вам необходим покой...

Джейм улыбнулся, представив, как Лидия встретит такое известие: не волновать его, или он сойдет с ума от неправильного обращения.

— Я собираюсь съездить на машине в Корнуэлльс, — сказал он просто.

Врач нахмурился.

— Я не уверен, стоит ли вам в таком состоянии садиться за руль?

— В Корнуэлльсе все спокойно, — сказал Джеймс.

* * *

Вскоре после того, как проехали Ланстон, у них сломалась машина. Всю дорогу Лидия молчала и смотрела в окно; в Ланстоне она хотела остановиться и переночевать, но Джеймс наотрез отказался.

— Нам нужно успеть добраться до Лизарда, — сказал он, — у нас забронированы номера в гостинице, разве ты забыла?

— Я ничего не забыла, — лоб Лидии прорезала негодящая морщинка, — но мы уже целый день в дороге, и я устала. Я думала, это достаточная причина, чтобы изменить наши планы.

Машина выбрала тихое прелестное местечко. После

—Ешь,—повторила старуха и быстро отступила
назад в пещеру.
Из темноты медленно вышел тот...

предупреждающего постукивания она замолкла и мягко съехала на обочину, Джеймс выбрался наружу, откинул крышку капота и с надеждой взглянул на заглохший двигатель.

— Ну, что там? — Лидия не скрывала своего раздражения.

— Не знаю, — Джеймс попытался нашупать свечу зажигания. Металлические части мотора раскалились, и он отдернул руку.

— Сделай что-нибудь, — приказала Лидия.

— Дорогая, — Джеймс обогнул бампер и наклонился к опущенному стеклу, — я умею водить машину, но я и представления не имею, как она работает. Каждый мужчина занимается своим делом, и я художник, а не механик.

— Это я вижу, — узкое, бледное лицо Лидии потемнело, красивые голубые глаза смотрели холодно и с презрением. — И что ты прикажешь нам делать?

— Ну, — он забрался обратно в машину и закрыл дверь, — я думаю, у нас есть две альтернативы. Первая — мы оставляем машину и идем пешком по дороге пока не встречаем какую-нибудь гостиницу или еще лучше — заправочную станцию. Вторая — мы остаемся здесь и ждем, пока не подберет попутная машина, которая отбуксирует нас в Лизард. Я больше склоняюсь к последней. Взгляни, какой собирается туман. Мне бы не хотелось заблудиться в нем.

— Ты хочешь сказать, — стройное тело Лидии напряглось, и Джеймс почувствовал: дотронься он до нее — она отпрянет с отвращением от его прикосновения, — что намерен сидеть здесь и ничего не делать?

— Ничего не делать не может ни один человек на свете, — он кротко взглянул на жену. — Я буду спокойно сидеть и наслаждаться твоим теплым обществом.

Лицо женщины, наполовину скрытое длинными каштановыми волосами, представляло собой белую атласную маску, и Джеймс знал, что она хочет, чтобы он потерял терпение и бросил в нее обидные, грубые слова. Внезапно Джеймс почувствовал, как сильно устал, он молча отвернулся к окну и стал разглядывать плывущий над болотом туман: молочно-белое облако очень скоро скрыло вершины Рафтора и Коричневого Вилли. Джеймс сунул руку в карман пальто и достал пачку сигарет.

— Только, ради бога, не надо курить, — она с раздражением обернулась к нему, — здесь и без того душно.

— Извини, — он убрал сигареты.

— Господи, как холодно. Ты не можешь включить печку или что-нибудь еще?

Он поднял воротник пальто.

— От этого едва ли станет теплее: мотор ведь не работает.

Он болезненно вздрогнул, когда Лидия язвительно произнесла:

— Все из-за этих болванов. Поездка в Корнуэлльс в ноябре. Должно быть, и я сошла с ума, когда позволила уговорить себя.

— А мне показалось, тебя «уговорило» твое новое меховое пальто, — пробормотал он.

— Ах, помолчи.

Он включил фары, и в ту же секунду туман превратился в цветной экран, клубящуюся массу оранжевого шелка. В Джеймсе проснулся художник.

— Корнуэлльс, земля легенд! — проговорил он.

— Что? — Восклицание жены прозвучало как удар хлыста.

Джеймс обернулся, удерживая на лице улыбку:

— Если верить историкам, когда-то в Корнуэлльсе жили лешие, привидения и великаны. Особенно много было великанов — здоровенных ребят от двадцати до шестидесяти футов ростом.

— Детские сказки, — Лидия уютно свернулась в широких складках своего мехового пальто. — Иногда мне кажется, Джеймс, что ты больше ребенок, чем мужчина.

Из тумана медленно появилась фигура. Сначала возникло какое-то подобие тени, затем тень обрела форму, и в свет фар шагнула старуха. Маленькая, чуть выше ребенка, с опущенными плечами и причудливо изрезанным морщинами лицом, на котором, как пара отшлифованных пуговиц, блестели черные глаза. Грязная серая шаль покрывала ее голову и, свободно подвязанная, болталась у подбородка. Длинное черное платье с головы до ног облекало крошечную фигурку, и Джеймс почувствовал, как на затылке у него приподнимаются волосы. Лидия сжала его руку, ее плохое настроение как испарилось.

— Старушка. Где-то поблизости дом. Горячий суп, огонь...

Она потянулась к дверной ручке, но голос Джеймса заставил ее остановиться.

— Подожди.

— Чего ждать? — она обернулась. — Сидеть здесь и мерзнуть, когда у старой карги наверняка есть камин?

— Мне... — он внимательно разглядывал коричневое морщинистое лицо и черные, немигающие глаза старухи, — мне не нравится ее вид.

— Ну и плевать на ее вид, — Лидия уже сражалась с дверной ручкой. — Даже если она окажется бабушкой самого Дракулы, все равно наплевать. У нее должен быть дом и камин.

В этот момент старуха высунула из складок своего плаща крошечную когтистую лапку и поманила их.

— Смотри, она хочет, чтобы мы пошли с ней, — Лидия никак не могла справиться с дверной ручкой. — Черт бы побрал эту дверь. Ты не мог купить машину поприличнее?

— Да, она хочет, чтобы мы пошли с ней, — Джеймс рассматривал фигурку в ветровом стекле, — но почему она не подходит к окну, а стоит там и подзывает нас?

— Наверное, у нее с головой не все в порядке, — Лидия, наконец, распахнула дверь; во внутрь вполз холодный туман. — Ну и что? Сообразит, как растопить камин и приготовить еду, и достаточно.

С неохотой Джеймс открыл свою дверцу и выбрался наружу. Легкие наполнил холодный воздух, и он закашлялся — скрежещущий спазм сотряс его тело, ему пришлось опереться о крышку капота. Когда он собрался с силами, Лидия уже разговаривала со старухой.

— У нас поломалась машина, и мы просто замерзаем от холода. Вы не пустите нас переночевать? Мой муж вам заплатит.

Маленькая, сгорбленная фигурка отступила назад, затем, не говорят ни слова, отступила еще и снова поманила их за собой.

Лидия шепнула на ухо стоявшему возле нее Джеймсу:

— Мне кажется, старая ведьма ничего не слышит.

— Лидия, мне все это не нравится. Давай, останемся в машине. Туман скоро рассеется, и кто-нибудь подберет нас.

— Не говори глупостей, Джеймс, — она плотнее захнула свое меховое пальто, — если ты боишься старухи, иди и прячься в машине.

Она решительно зашагала следом за маленькой странной фигуркой, которая почти исчезла в густом тумане, и Джеймсу, потерянно пожавшему плечами, оставалось только последовать за ними.

Шагов через двадцать они сошли с дороги и стали пробираться среди обросших травой мшистых кочек. Несколько раз они натыкались на заросли можжевельника, и вскоре у Лидии упало настроение.

— Ради бога, не идите так быстро! — закричала она вслед едва различимой в тумане фигуре. — Это ведь не кросс по пересеченной местности.

Старуха остановилась и терпеливо подождала, когда они приблизятся, затем снова кивнула и двинулась дальше.

— Извини, — голос Лидии звучал приглушенно, — ты был прав, нам следовало оставаться в машине.

— Теперь уже слишком поздно, — мрачно заметил он. — Мы не найдем дорогу обратно. Можем только увязнуть в болоте.

Прошло еще двадцать минут, и вокруг стало смеркаться. Туман сделался еще плотнее. Неожиданно старуха остановилась, сгорбилась чуть сильнее и принялась отыскивать что-то в полах своего одеяния. Посыпался чиркающий звук, и когда она повернулась, в руках у нее горел старинный свечной фонарь. Джеймс даже присвистнул от изумления.

— Если мне не изменяет память, это старинный каретный фонарь. Готов поклясться, что она зажгла его трутом.

— Сколько еще идти? — Лидия тяжело дышала, и он почувствовал, что она дрожит.

— Эй, — окликнул он старуху, — сколько нам еще идти? Моя жена очень устала.

Ответа не последовало, маленькая фигурка заспешила вперед, и им едва не приходилось бежать, чтобы не потерять из виду подпрыгивающий далеко впереди огонек.

— Должно быть, она глухая и немая, — проворчал Джеймс, — не понимаю, как старая развалина умудряется так быстро идти.

— Это все корнуэлльский воздух, — Лидия отважно попыталась улыбнуться.

— Все равно, для своих лет она бежит слишком резво, — он повысил голос и прокричал: — Пожалуйста, не идите так быстро.

Фонарь продолжал подпрыгивать вверх-вниз далеко впереди, и Джеймсу послышался отдаленный, тихий смех.

Прошло около часа, и Лидия совершенно обессилела: она споткнулась и наверное упала бы, если бы Джеймс не поддержал ее, обхватив рукой. Он бережно опустил ее на землю и закричал вслед быстро удалявшемуся фонарю:

— Моей жене плохо. Вернитесь назад, пожалуйста.

Крошечная искорка света остановилась, затем — к огромному облегчению Джеймса — стала расти, и вскоре старуха склонилась над лежащей без сознания Лидией и осветила ее бледное лицо фонарем.

Ее резкий, скрежущий шепот не походил на человеческий. Он больше напоминал похрустывание прибрежной гальки под босыми ногами.

— Устала... Холодно... Нести...

Джеймс попытался поднять Лидию, однако все его силы отняла кошмарная прогулка: легкие его обжигал ледяной туман. Старуха издала звук, который вполне мог бы сойти за смех.

— Слаб... Держи...

Она протянула фонарь, и мужское достоинство Джеймса потребовало, чтобы он возмутился.

— Не надо, я справлюсь сам.

— Держи.

Это был приказ, и он повиновался. Высоко подняв горящий фонарь, он с удивлением наблюдал, что собирается предпринять эта хрупкая вязанка костей. Готовый в любой момент вмешаться, он следил за действиями старухи, и его изумление возрастило. Затем он ощутил странное онемение, и его охватил беспричинный ужас.

Две клеши — невозможно было назвать руками обернутые в кожу кости — выскоцили из-под платья, и, затянув в тугой узел пальто Лидии, старуха подняла ее. Одним движением, без видимого усилия, тело женщины поднялось над закутанной в шаль головой и опустилось на сгорбленные, сухие плечи. Вслед за тем, одна рука обвилась вокруг одетых в нейлон ног, другая крепко обхватила белую шею — старуха пустилась бы-

строй трусцой, и ошеломленному Джеймсу пришлось приложить все силы, чтобы от нее не отстать.

Болезненно ныла шея, и мысли вспыхивали в мозгу как трассирующие пули. Страх, ненависть и любовь — каждое из чувств сливалось с другими и превращалось в один нескончаемый поток обжигающего мозг пламени.

В этом кошмаре была повинна Лидия. Ее глупый, беспричинный эгоизм заставил их покинуть безопасный автомобиль, и теперь он едва поспевал за маленьким, высохшим монстром, с плеч которого свисали и покачивались в так ходьбе белые бедра Лидии. А доктор говорил, что ему нужен покой...

Он достиг предела своей выносливости, когда туман стал рассеиваться, и перед ними вырос холм. Клинообразная скала, заросшая вереском, выступала из склона; ее окружали заросли можжевельника, и здесь, наконец, старуха замедлила свой шаг. Не останавливаясь, она прошла сквозь кусты к самой скале. Она что-то толкнула ногой, что именно, Джеймс не видел. Но, к его удивлению, в стене отворилась дверь, обнаружив освещенную свечами комнату. Старуха просеменила вовнутрь и не останавливалась, пока не достигла узкой, заправленной одеялом кровати. Как зеленщик сваливает с плеч мешок с картошкой, она уложила на кровать Лидию. Затем потерла руки и с плохо скрываемым презрением посмотрела на Джеймса, который отважился сделать несколько робких шагов от двери.

— Входи. Закрой дверь.

* * *

Они находились в пещере — в естественной, решил Джеймс, вероятно, расширенной и обжитой кем-то очень давно. Гладкие гранитные стены были испещрены неровными отметинами, — возможно следы долота или резца. Камин был выдолблен слева у стены; из него наружу уходила огромная труба, на старомодной железной решетке ярко пылали торф и древесные сучья. Хотя дым покидал пещеру, в ней оставался какой-то непонятный запах — точнее, зловоние — странный, гнилостный запах, как будто старуха делила свое жилище со свиньей, или, что было более вероятно, с каким-ни-

будь плотоядным животным, оставившим свой полу-
съеденный обед дозревать в темном углу. В этот мо-
мент стал осязаем едкий перечный аромат, исходивший
из висевшего на каминном крюке котла. Он усиливал
заполнявшее пещеру зловоние, и Джеймс удивился, по-
чему по дороге сюда им не повстречались призраки
давно погибших похлебок.

Пол в пещере покрывали тростниковые половики.
Крепкий, потемневший от времени сосновый стол в цент-
ре. должным образом обрамляла четверка трехногих
стульев. В углу у огня стояло ветхое кресло-ка-
чалка. У стены напротив возвышался замечательный
своими размерами кухонный шкаф, в котором красо-
вался неровный строй оловянных кружек, стояли плете-
ные из ивовых прутьев тарелки и огромное сереб-
ряное блюдо для мяса. Большие сальные свечи, встав-
ленные в собственные наплывы на маленьких глиня-
ных блюдцах, стояли на шкафу и на широком камен-
ном выступе, служившем одновременно каминной полкой.

С двух сторон пещеру замыкали двери. Одна, через
которую они вошли, была обычных размеров, шесть на
три фута, тогда как в противоположном конце под-
нималось то, что было бы уместнее назвать башенными
воротами. Дверь эта вполне могла оказаться створкой
какой-нибудь разрушенной пары, возможно, это был
остаток какого-нибудь королевского замка; камни, из ко-
торых были сложены стены, также могли оказаться его
остатками. Огромные, источенные ржавчиной гвозди вы-
ступали над поверхностью двери, и справа, прямо под
железным кольцом, торчал огромнейший из ключей, ка-
кие когда-либо доводилось встречать Джеймсу.

Он подошел к кровати, которая располагалась рядом
с камином, и осторожно пошлепал Лидию по бледной
щеке.

— Ешь, — старуха заперла входную дверь, спрятала
ключ в складках своего одеяния и теперь изучала
содержимое висевшего над огнем котла. — Скоро про-
снется.

Лидия пошевелилась и открыла глаза. Секунду или
две она глядела на Джеймса, не понимая, что прои-
зшло. Потом она застонала и села.

— Все в порядке, дорогая, — Джеймс постарался
придать своему голосу беззаботность, — мы в безопас-
ности. Это... это коттедж старой леди.

— Джеймс, мне холодно.

— Сейчас мы согреемся, — он снял свое пальто и укутал ее. — Старуха готовит нам поесть.

Лидия обвела глазами причудливую обстановку и вздрогнула.

— Что это?

— Что-то вроде переоборудованной пещеры. Довольно разумно устроено, если подумать: крыша не протекает, и нет сквозняков. Наши предки именно так и жили.

— Здесь жутко и к тому же воняет, — она наморщила носик. — Сколько мы собираемся пробыть здесь?

— До завтрашнего утра, потом пойдем обратно на дорогу и попытаемся поймать попутную машину. После еды постараюсь заснуть.

— Мне страшно, ты ведь не будешь спать, нет? — она как ребенок держалась за его руку. — Ты посмотришь, чтобы эта старуха не сделала ничего плохого?

— Я посмотрю.

Она закрыла глаза, и он снова вернулся к старухе, которая размешивала что-то в котле деревянной ложкой.

— Вы живете-здесь-долго? — он обнаружил, что повторяет телеграфный стиль старухи, и поэтому обратился снова. — Скажите, вы давно здесь живете?

Она кивнула и попробовала с деревянной ложки свое варево.

— Давно.

— А как давно?

Оставшуюся в ложке жидкость старуха выплеснула обратно в котел.

— Лед ушел. Я пришла.

Джеймс нахмурился.

— Вы хотите сказать, что родились на исходе очень холодной зимы?

Широким жестом она обвела ложкой вокруг.

— Весь лед. В Корнуэлльсе не стало льда. Я пришла.

Несколько минут Джеймс молчал, потом спросил:

— Вы хотите сказать, что родились в ледниковый период?

Старуха не отвечала, и с постели послышался голос Лидии:

— Джеймс, сколько она еще собирается возиться?

Я умираю с голода.

— Уже недолго, — он подошел к ней и присел на

краешек кровати. — Ты знаешь, она говорит, что родилась в ледниковый период.

— Да? — Лидия зевнула. — А когда это было?

— Я точно не знаю, но по меньшей мере сто миллионов лет назад. Может быть больше.

— Глупости. Я же говорила, что она чокнутая.

— Разумеется, такое невозможno. Но она и в самом деле какая-то необычная. Она легко донесла тебя сюда, а ей ведь уже столько лет. Может быть, она и правду остаток ледника? Ее предки жили здесь миллионы лет, и их наблюдения передавались от поколения к поколению. Тогда у нее самая настоящая расовая память. К тому же Корнуэлльс оставился единственной частью Британских островов, не покрытой льдами, и здесь до сих пор находят кости ископаемых людей.

— Это для меня слишком сложно, — Лидия снова зевнула.

— Хотел бы я узнать правду, — Джеймс посмотрел на старуху. — Я бы не удивился, если б узнал, что она не совсем человек. Она очень странная. Наверное, когда-то таких как она было много в этих местах. Они жили в пещерах глубоко под землей. Может быть, эта огромная дверь ведет в их лабиринт.

— Ты снова... — Лидия нахмурилась. — Ты же взрослый человек. Она самая обыкновенная старушка, которая сошла с ума от одиночества. Таких, как она, ты здесь найдешь миллион. Выжившая из ума старушонка, только и делает, что воняет до небес, не приведи господи!

Тем временем предмет их обсуждения заковылял к кровати, неся в руках дымящуюся миску остро пахнущей смеси. Старуха сунула ее Лидии с коротким наставлением: «Ешь».

Лидия нетерпеливо выхватила серебряную ложку, наполовину погрузившуюся в жидкость, и осторожно попробовала.

— Неплохо. Чуть переперчено, если это перец, но вполне сносно.

Старуха обернулась к Джеймсу: «Ешь».

Он сел на один из трехногих стульев и взял ложку, стараясь не смотреть в сторону странной хозяйки, которая скоро отложила свою ложку и прихлебывала прямо из миски, пальцами проталкивая в рот куски мяса.

— Ваши тарелки и ложки, — Джеймс заметил, что говорит громко, как с глухой, — они очень старые?

— Угу, — старуха использовала собственную шаль вместо салфетки. — Дом. Война.

— Вы хотите сказать, что во время прошлой войны разбомбило дом, и вы...?

Он остановился. Было бы невежливо заходить дальше в своих предположениях, однако старуха отрицательно затрясла головой.

— Длинные волосы... Короткие волосы... Война.

— Господи боже! — Джеймс оглянулся на Лидию, — она говорит о гражданской войне. Семнадцатый век. Кирасиры Кромвеля. Железнобокие и кавалеры*.

— Чепуха, — Лидия уткнулась в свою тарелку. — Как вкусно, а что она еще говорит?

— По-моему, она знает, о чем говорит, — он дружелюбно кивнул старухе. — Было очень вкусно. Мы вам очень признательны.

Старуха встала, подошла к посудному шкафу и вернулась к столу с каменной бутылью и двумя оловянными кружками. В каждую она налила щедрую порцию густой янтарной жидкости.

— Пейте. Хорошо. Спать.

— А она не тратит много слов, — заметила Лидия.

— Тише, она может услышать.

— Она глухая, дорогой, — Лидия полулежала на кровати, укрытая двумя пальто, сытный ужин заметно поднял ее настроение, — и сумасшедшая к тому же.

Она состроила гримасу и передразнила:

— Я — Тарзан, Ты — Джейн.

Казалось, что старуха и в самом деле не слышит их, или не понимает: она невозмутимо поднесла полную кружку Лидии и повторила свое краткое наставление: «Пей».

Джеймс отпил из своей кружки. Вкус жидкости напоминал выдержанное персиковое бренди; мягкая, ароматная струйка скользнула по горлу и взорвалась восхитительной теплотой где-то внутри желудка.

— Осторожнее, — предупредил он, — эта штука лягается как необъезженный жеребец.

* Кавалеры — сторонники Карла I. Железнобокие — кирасиры парламента. Имеется в виду битва при Нэсби, 1645 г.

— Пусть лягается, — Лидия уже осушила свою кружку. — Мы же никуда не собираемся идти сегодня вечером?

— В самом деле, — Джеймс почувствовал, как улетучиваются остатки его природной осторожности, — очень хорошая вещь.

Теперь он обратился к старухе, подбирая слова и произнося их, как если бы разговаривал со слабоумным иностранцем:

— Очень хорошо. Старое, да? — он постучал по своей кружке. — Это очень старое? Вы долго хранили его?

Старуха кивнула:

— Дедушка... старое как дедушка.

— Ваш или мой? — он допил остаток жидкости и не возражал, когда старуха снова наполнила ее. — Если они пили это в ледниковый период, им был не страшен никакой мороз.

Неожиданно он обнаружил, что с трудом ворочает языком.

— Ваш дедушка или мой, или еще чай — они делали эту штуку из персиков, да?

— Нет, — ответила старуха.

— Нет... — Джеймс чувствовал, как его голову качает из стороны в сторону, но ничего не мог с этим поделать. — Тогда как вы это делаете... Из чего вы делаете...?

— Кровь, — ответила старуха.

Прежде чем потерять сознание, Джеймс повторил: «Кровь» и на какое-то время провалился в кромешную темноту.

* * *

Первыми к жизни вернулись его глаза; огонь в камине разгорелся, ярко пылало свежее бревно, и голубоватый дым забирался в отверстие дымохода. Потом Джеймс начал различать окружавшие его звуки; бревно потрескивало, выстреливая серией сердитых щелчков; заунывная, лишенная мелодии песня слетала с высохших губ старухи, которая раздевала Лидию.

Джеймс полулежал в кресле-качалке, его ноги свешивались на пол, и голова, отказываясь повиноваться его приказам, без всякой тревоги или удивления отметила,

что он не может пошевелиться. Он не мог ни двигаться, ни говорить, он даже не мог моргать.

У Лидии было изумительное тело, и он не переставал им восторгаться. Когда старуха взвалила это обнаженное тело себе на плечи и понесла его к убранному после ужина столу, художник в Джеймсе восхитился чистотой линий спины и янтарным отливом волос, ниспадавших волною до пола. Если бы только старая карга могла постоять спокойно!

Однако старуха не хотела стоять спокойно. Она свалила Лидию на стол, просеменила к шкафу и вернулась с мотком крепкой веревки. Ее заунывное пение поднялось на целую терцию; крошечные ноги пританцовывали или отбивали та́кт, когда она связывала ноги Лидии от икр до бедер. Затем она согнула ее руки в локтях и так же крепко перевязала их. «Она лежит как связанный цыпленок,— беззвучный смешок пробежал в голове Джеймса,— готовый отправиться в духовую печь».

Старуха отступила назад и казалась очень удовлетворенной результатами своих трудов; она рассыпалась дребезжащим смехом, затем подхватила себя под бока и пустилась в радостный пляс по пещере.

— Хорошо... хорошо...

— А где же начинка?— Джеймс хотел сказать, что Лидию забыли выпотрошить и нафаршировать яблоками перед духовкой, как вдруг почувствовал беспринципное раздражение оттого, что его тело отказывается ему повиноваться.

Старуха в сильном возбуждении подбежала к дальней двери, которую Джеймс принял за башенные ворота, и энергично повернула в замочной скважине громадный ключ. Она схватила железное кольцо и потянула. С пронзительным скрипом дверь растворилась. Порыв холодного воздуха заставил затрепетать пламя свечей; волосы Лидии зашевелились, словно змеи Медузы. Из-за двери донесся шум падающей воды и какой-то странный резкий звук, похожий на шипение прохудившегося кузнечного меха.

Шаркая, старуха сделала несколько осторожных шагов вовнутрь и позвала:

— Данмор! Данмор!

Царапающий звук. Потом громкий, задыхающийся кашель — отхаркивающие, отвратительные плевки —

серия взрывающихся тресков, сопровождаемых протяжными стонами.

— Ешь, — позвала старуха.

Скрежетание — может быть, это было дыхание? — стало громче, затем участилось; размеренное похрустывание камней, тяжелая поступь и снова болезненный кашель.

— Ешь, — повторила старуха и быстро отступила назад в пещеру.

Из темноты медленно вышел тот, кто издавал эти звуки — он заполнил собой весь дверной проем, и в тот же миг мозг Джеймса пронзило сознание грозящей ему и Лидии опасности.

В дверях стоял мужчина приблизительно двадцати футов ростом, около семи футов в плечах, с огромной, похожей на дыню головой и парой черных слезящихся глаз, каждый размером с блюдце. Густой седой волос, покрывал его тело. Пучки волос, торчавшие из ушей и ноздрей, были рыжеватого цвета и на вид жесткие, как свиная щетина. Желтая, с пятнами крови слизь капала из раздувавшихся ноздрей гиганта, и вся заросшая густым волосом кожа крупными складками обвисала с его могучего остова. Старуха указала на перевязанную веревками Лидию, которая к этому времени пришла в сознание и только жалобно всхлипывала.

— Ешь. Вкусно.

* * *

Полный, отупляющий ужас... Страх и ноющая боль в голове. Громовой голос приказывает Джеймсу собрать безвольное тело и спасти Лидию. Спасти Лидию! Но она сама виновата — всему причиной ее глупый эгоизм. Им надо было остаться в машине, на дороге в Лизард, и тогда этот... Зрелище был чудовищным, и одновременно — восхитительным. Гигант притягивал своей отвратительной наружностью; он казался неотразим в собственном уродстве, и пальцы Джеймса сжались, желая удержать воображаемую кисть, уголь... Нет, сначала он должен спасти Лидию. Это сначала... а потом... потом... Его руки и ноги снова обрели способность двигаться; его мозг, казалось, стал больше, превратился в кипящую массу

клокочущей ненависти; Джеймс только не знал — против кого или чего эта ненависть... Потом что-то оборвалось внутри него, и боль исчезла. Он поднялся и шагнул вперед, сильный и неустрашимый...

* * *

Гигант наклонился и протянул к столу безобразную волосатую руку, на которой не было большого пальца. Ногтями он подцепил веревку и потянул; веревка с треском лопнула, и Лидия пронзительно закричала; жуткий, душераздирающий крик.

Странно обновленный, Джеймс нагнулся — как трезво и холодно работал его мозг! — и вырвал длинный лоскут из забрызганного грязью, наполовину сгнившего половика. Сунул его в огонь. Лоскут вспыхнул оранжевым пламенем. Как факелом размахивая им над головой, Джеймс двинулся навстречу великану; тот отступил, больше удивленный, чем испуганный. Вокруг него в страхе кружилась старуха.

— Нет... нет. Он последний. Больше никого нет. Все умерли. Не надо. Данмор последний.

Она налетела на Джеймса; он поймал ее за шаль и отшвырнул в сторону. Старуха упала на пол, оставив шаль в его руке, и на короткий миг он разглядел ее лысую, усеянную небольшими ямками голову... В следующее мгновение он ткнул пылающий лоскут в похожую на древесный ствол ногу гиганта.

Густая шерсть вспыхнула в одно мгновение, каскад крошечных огоньков устремился вверх, скрываясь в тумане голубого, дурно пахнущего дыма. Рев чудовища перешел в пронзительный визг; великан закружился по пещере, дико припрыгивая и тщетно пытаясь схватить с себя пламя руками. Эти попытки только ухудшили дело. Теперь горели и потрескивали волосы на его руках. Пламя перекинулось на его косматую грудь и с поразительной скоростью устремилось вверх, к его бороде. Все это время маленькая фигурка с лысой головой, не останавливаясь, носилась вокруг пылающего колосса. Размахивая бесполезным одеялом, притоптывая и раскачиваясь, она подывала как крошечная, убогая собачонка. Борода великана превратилась в оранжевый

столб пламени, длинные волосы на его голове на секунду вспыхнули ослепительным факелом... Через мгновение остались лишь сизый дым, обуглившаяся кожа и несколько тонн сотрясаемого болезненной судорогой мяса.

Старуха взвыла как собака и опустилась на пол. Джеймс, не мигая пристально разглядывал ее голову. Череп был круглой формы и сплошь усеян мелкими ямками, как будто кость местами ввалилась; из этих кратеров, как сорняки, торчали маленькие пучки белых волос. Вероятно, в такт кровянистому давлению эта крошечная поросль покачивалась вверх и вниз, как будто ласкаемая неосязаемым ветерком.

Джеймс спокойно подошел к столу; нащупав карманный нож, разрезал остававшиеся на Лидии веревки. Она всхлипывала и сильно дрожала. Джеймс стащил ее со стола и кивнул, указывая на кровать.

— Одевайся, — сказал он коротко.

— Джеймс... Я не могу идти.

— Не говори глупостей. Одевайся.

Данмор стонал, жалобно и глухо. И каждый раз старуха вскидывала голову и вторила ему. Вероятно, она неосторожно коснулась его обожжённой ноги, — быть может, сам великан в приступе слепой ярости ударил ближайшее ему живое существо; какова бы ни была причина, огромная нога неожиданно поднялась и обрушилась вниз с грохотом. На месте, где сидела старуха, осталось кровавое месиво: ее черное платье изорвали раздробленные, размозженные кости. Лидия пронзительно закричала.

— Джеймс! О, господи, Джеймс! Забери меня отсюда.

Джеймс улыбнулся, странная, безрадостная гримаса, и холодно произнес:

— Замолчи, ты, глупая корова.

Данмор посмотрел вниз на то, что осталось от старухи. Носком огромной уродливой ноги он ткнул в плоское месиво; от чернеющей на полу массы отделилась голова и, подпрыгивая, покатилась по пещере. Джеймс поднял ее. В маленьких кратерах продолжали вздыматься и опадать пучки белых волос. Глубоко вздохнув, он небрежно отбросил голову в сторону.

Великан начал кашлять, издавая громовые, захлебы-

вающиеся звуки. Изо рта и ноздрей хлынула кровь; рубиновый поток залил его черную грудь, образовав большую лужу между неуклюже вывороченными ногами. Падение было медленным и напоминало падение могучего дуба, веками сопротивлявшегося шторам и бурям, а теперь срубленного топором пигмей. Великан привалился спиной к стене, его ноги заскользили по каменному полу; наконец, он замер в сидячем положении, его огромные глаза широко раскрылись и смотрели, казалось, с изумлением. Кровь перестала течь, и он затих.

— Умер? — спросила Лидия и нервно хихикнула.

— Умер, — Джеймс кивнул, — он мертв.

Джеймс медленно подошел к кровати и взял свое пальто; из кармана он вынул блокнот для зарисовок и снова вернулся к столу. Трехногий стул он поставил прямо между раскинутых в стороны ног Данмора. Он сел и раскрыл блокнот, затем, после минутного раздумья, достал карандаш и стал рисовать.

В этот момент Лидия дотронулась до его плеча. Нетерпеливым жестом он сбросил ее руку. Она подбежала к входной двери и подергала ручку: дверь была заперта. Древний, окаменевший от старости дуб не поддавался, а ключ... должно быть он лежал среди жутких останков старухи.

Она снова подбежала к молчаливо сидящей фигуре и заколотила сжатыми кулаками по безучастно склоненным плечам.

— Джеймс, нам нужно уходить. Пожалуйста, послушай.

Он поднял на нее безучастное, белое лицо; глаза его были холодны как болотный снег.

— Ты не можешь понять. Это... — он указал карандашом на залитый кровью труп, — это последний из них. Последний корнуэлльский великан. Она так сказала. И если бы я не вмешался, он бы не умер. Белое мясо — это все, что ему было нужно. Мягкое, теплое, белое мясо.

Зажав рукой готовый вырваться наружу крик, Лидия отступила назад, к столу. Около маленькой кучки перемешанных с окровавленными кусками материи костей она опустилась на корточки; трясящимися руками ощупала старухино платье. Сначала робко, опасливо, затем — когда панический страх

подавил все остальные чувства — яростно, в исступлении рвала она грязные лохмотья, ворошила бесформенное месиво до тех пор, пока ее пальцы не сжали кусок грубо обработанного металла. Издав триумфальный крик, она вскочила с пола. Ключ был огромен, ржа нескольких столетий источила его, и его важная часть — та, которая поворачивает замок — оказалась сломана ногой великана. Лидия долго смотрела на бесполезный теперь ключ, затем отошла к кровати и села, тихо всхлипывая. Огонь в камине медленно умирал, и ледяной холод неотвратимо заползал в пещеру. Постепенно весь ужас происходящего стал очевиден ей: она была заперта в пещере вместе с сумасшедшим...

А Джеймс продолжал работать; его карандаш неутомимо скользил по бумаге. Оставалось совсем немного времени; скоро догорят свечи, и наступит мрак.

СОДЕРЖАНИЕ

Железный саван. Уильям Мадфорд	3
Две старые девы. Э. Филлипс Оппенгейм .	14
Пещера. Р. Четвинд-Хэйес .	28

Перевод с английского Александра Бутузова

НЕВЕСТА ДЬЯВОЛА

Сборник новелл ужаса. Вып. 2.

Редактор *А. Душенков*

Технический редактор *Е. Ратникова*

Корректор *Е. Ратникова*

Сдано в набор 5/IX-90 г. Подписано к печати 12/XI-90 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,52. Усл. кр.-отт. 2,94. Уч.-изд. л. 2,48.
Доп. тираж 50 000 экз. Заказ 1602. Цена 1 р.

Малое предприятие по изданию и реализации книжной продукции
«Книжный клуб», 170000, Тверь, бульв. Радищева, д. 41/30.

Тверская областная типография.
170000, Тверь, Студенческий пер., 28.

1 руб.